

В столь многоплановом исследовании, как рецензируемое, естественны отдельные пробелы и упущения. Назовем только одно из них, которое представляется наиболее существенным.

В главе «Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв.» (с. 34—112) дано хозяйственное районирование территории Башкирии в различные исторические эпохи. На наш взгляд, оно нуждается в определенной корректировке с учетом новейших достижений исторической науки⁴.

На протяжении ряда лет Р. Г. Кузеев ведет большую работу по сбору и систематизации родо-племенной этнонимии башкир. Им составлены корреляционные этнонимические таблицы по ряду тюркских народов. Жаль, что эти таблицы не опубликованы в рецензируемой книге.

В целом книга Р. Г. Кузеева написана на высоком научно-теоретическом уровне. Она подводит читателя к пониманию особенностей исторического пути развития ряда народов Поволжско-Уральского региона, дает аргументированный ответ на многие дискуссионные вопросы истории Башкирии и башкир.

М. В. Мурзабулатов

⁴ См.: Янгузин Р. З. Земледелие башкир в 30—40-х годах XIX в.— Археология и этнография Башкирии. Т. V. Уфа, 1973, с. 139—148; Бикбулатов Н. В., Мурзабулатов М. В. Земледелие зауральских башкир в XIX — начале XX в.— Этнография Башкирии. Уфа, 1976, с. 97—117.

В. Ф. М и л о в и д о в. Современное старообрядчество. М.: Мысль, 1979, 126 с.

Старообрядчество издавна привлекало к себе внимание исследователей. История старообрядчества — неотъемлемая часть истории России. Религиозная реформа патриарха Никона (вторая половина XVII в.) и последовавший за ней раскол русской православной церкви привели к появлению значительных по численности обособленных от остального русского населения групп, объединенных стремлением противостоять новшествам, сохранить неизменными прежние обычаи. Со временем стали заметны некоторые различия в традиционной культуре старообрядцев и окружающего населения, не придерживавшегося «старой веры». Эти различия появились главным образом в результате сохранения в консервативном старообрядческом быту традиций, уже полностью или в значительной мере утраченных основной частью русского народа. И в наше время потомки старообрядцев, проживающие довольно компактно в ряде регионов страны (Бурятия, Алтай, Тува, север Европейской части России, Урал, Горьковское Заволжье, Украина, Молдавия и т. д.), сохраняют заметное своеобразие в бытовых традициях.

Старообрядчество (автор четко отличает это понятие от термина «раскол» — см. с. 8—9) с момента возникновения имело множество различных течений или «вер», порой весьма далеких от православия. В связи с этим В. Ф. Миловидов справедливо отмечает: «Старообрядчество в целом представляет собой религиозное направление, которое, с одной стороны, смыкается с православием, а с другой — в лице некоторых течений беспоповщины — имеет точки соприкосновения с сектантством» (с. 19—20). В частности, беспоповские толки, как и сектантские общины, характеризуются значительной ролью мирян в церковной организации (с. 21—22). Пестрота старообрядческих общин сохранилась и в наши дни. Современные процессы, происходящие в старообрядчестве, представляют большой интерес как для этнографов, так и для историков, философов, социологов, религиоведов — всех, кто изучает современное состояние религии в СССР, так как кризис «старой веры» отличается рядом специфических особенностей.

Еще в середине XIX в. благодаря обособленному образу жизни староверов имелись предпосылки для превращения многих крупных групп старообрядцев в этноконфессиональные общности даже в пределах России, в среде русского населения. Однако этого не произошло. Напротив, к концу XIX в. стали отчетливо проявляться признаки процесса угасания старообрядчества. После Великой Октябрьской социалистической революции этот процесс еще более активизировался. Возникает вопрос: почему старообрядчество — крупнейшее в истории России религиозно-общественное движение — оказалось менее устойчивым в условиях социалистического строя, чем русская православная церковь? Очевидно, ответ на этот вопрос следует искать в истории старообрядческого движения, в его социальной сущности, в особенностях вероучения и религиозной практики самих староверов, в специфике их семейного уклада и быта.

Без исторического анализа вряд ли возможно понять и правильно охарактеризовать современное состояние старообрядчества. Именно такой исторический подход характерен для рецензируемой монографии, написанной известным исследователем старообрядчества В. Ф. Миловидовым. Она продолжает и дополняет его предыдущую книгу — «Старообрядчество в прошлом и настоящем» (М., «Мысль», 1969).

Серьезное изучение современного старообрядчества без этнографических изысканий, без конкретно-социологических исследований нереально. К настоящему времени накоплен и частично опубликован значительный этнографический и социологический материал, характеризующий верования и быт старообрядцев в различных регионах на-

шей страны, и В. Ф. Миловидов уделил этому материалу должное внимание. Его книга в значительной степени основана на сведениях, полученных в ходе полевых работ этнографами и социологами. Уместно добавить, что В. Ф. Миловидов был одним из пионеров начавшихся в послевоенное время исследований жизни и быта старообрядцев. Он изучал старообрядчество в Латвии и Литве, Тувинской и Бурятской АССР, Алтайском крае, Томской, Рязанской, Ивановской и др. областях.

Автор определяет старообрядчество как эсхатологическую разновидность русского православия. «Специфика старообрядчества во многом определялась тем, что оно являлось религиозной формой социального протеста, религиозным его выражением. Характеристика старообрядчества как религиозного направления не может быть однозначной, подобно тому как не была таковой его социальная сущность», — пишет автор (с. 16).

Порожденное социальными противоречиями самодержавно-крепостнического строя, старообрядчество сформировалось как оппозиционное движение, социальное содержание которого было облечено в религиозную оболочку: государственную власть раскол считал воплощением антихриста. Как антихрист, в частности, воспринимался Петр I. Однако позитивное социальное содержание было утрачено старообрядчеством задолго до революции 1917 года. Отрицание «антихристовой» государственной власти, фанатичное нежелание иметь что-либо общее с ней довольно рано уступили место примиренчеству. В соответствии с этим стала бледнеть эсхатологическая окраска «старой веры». С угасанием эсхатологических идей в старообрядчестве исчезла единственная самостоятельная концепция, возводившая активное противопоставление старообрядчества официальной («никонианской») церкви на уровень религиозного догмата. Именно это обстоятельство явилось, по мнению автора, одной из главных причин, ускоривших кризис «старой веры».

На основе анализа большого разнообразного материала В. Ф. Миловидов рисует картину глубокого кризиса «староверия» в условиях развитого социалистического общества, сосредоточив основное внимание на выявлении его специфических тенденций. Внешне кризис старообрядчества проявляется в распаде многих общин и почти полном исчезновении некоторых толков и согласий, в значительном сокращении числа старообрядцев и в отходе молодежи от религии. В наши дни число старообрядцев по сравнению с дореволюционным временем сократилось в десятки раз. Ушел в прошлое *традиционный* фанатизм.

В книге убедительно раскрыто происходящее в настоящее время разрушение идеологии старообрядчества, проявляющееся, в частности, в забвении различий между отдельными его ответвлениями и стирании граней между разными «верами» и согласиями. Этот процесс, начавшийся еще до революции, особенно активизировался во второй половине XX в., что было обусловлено грандиозными преобразованиями, произошедшими в нашей стране за годы Советской власти. Обособление различных «вер», вызванное расхождением в основном ритуального порядка, не могло оказаться стойким. Религиозная пестрота, характерная для дореволюционного старообрядчества, в настоящее время уступает место постепенной консолидации и объединению различных толков. В старообрядчестве ныне сохранили свое значение лишь две религиозные организации: у поповцев — так называемая «белокриницкая» церковь с центром в Москве, а у беспоповцев — так называемая старообрядческая церковь с центром в Вильнюсе.

Автор показывает, что значительное число старообрядцев, считающих себя верующими, либо отошли от православно-старообрядческой вероисповедной догматики, либо имеют весьма расплывчатые и неопределенные религиозные представления.

Говоря о религиозных взглядах современных старообрядцев, в особенности, молодежи, автор совершенно правильно замечает: «Эта религиозность носит обезличенный, внеконфессиональный характер, утративший старообрядческую специфику» (с. 55). Отмечается также весьма характерная тенденция — перенесение центра тяжести на формальную обрядовую сторону. «Фактически старообрядчество превратилось в обрядовое...» (с. 74). Однако и в культовой практике отмечаются серьезные признаки кризиса и упадка. Старообрядчество, как верно отметил В. Ф. Миловидов, оказалось не способным к серьезной модернизации вероучения и обрядности. В настоящее время оно сохраняется главным образом благодаря традициям и консерватизму верующих.

В книге воссоздается картина того, как в условиях нового социального строя старообрядчество постепенно отказывалось от характерной для него религиозной изоляции и нетерпимости. За годы Советской власти почти повсеместно традиционная для старообрядцев замкнутость уступила место активным связям с окружающим населением. Это выразилось, в частности, в отказе от так называемой «мирской» посуды. Ушли в прошлое нарушавшиеся еще до революции былые запреты на употребление, чая, сахара, картофеля. Обычным явлением стали смешанные браки между русскими староверами и представителями других национальностей. Читатель найдет в книге В. Ф. Миловидова интересный материал о современном состоянии толка странников, или бегунов (с. 26—27, 52—53, 81—82, 88, 106, 110). Как ни странно, это крайнее течение беспоповщины (по существу секта) дожило до сегодняшнего дня. По мнению В. Ф. Миловидова, сохранению немногочисленного толка бегунов способствует его чрезвычайная замкнутость. Однако при всем стремлении бегунов отгородиться от окружающего мира они не смогли противостоять могучему влиянию реальной жизни. В наши дни этот толк быстро вырождается. Так как о нынешних бегунах известно немного,

воспользуюсь случаем подтвердить заключения В. Ф. Миловидова своими впечатлениями, полученными во время экспедиционных работ Ин-та этнографии АН СССР в Пермской области в феврале — марте 1981 года. В Чердынском районе я встретила несколько семей «бегунов». Характерно, что верующие, даже старые люди, живущие в кругу «мирских» не стремятся перейти в категорию «истинно-православных», так как им пришлось бы отказаться от общения с людьми, от радио, телевидения и целиком посвятить свою жизнь молитвам и постам, а это их уже не привлекает.

В книге делается обоснованный вывод о том, что крах старообрядческой идеологии, отказ от традиционной замкнутости, фанатизма и консерватизма приводит не только к секуляризации этого религиозного направления, но и к утрате им своей специфики. Между реформированным (официальным) православием и старообрядчеством в целом никогда не было каких-либо догматических различий, а расхождения в области обрядовой практики были несущественными. С постепенной утратой старообрядчеством религиозной специфики связан и наметившийся процесс сближения старообрядцев с русской православной церковью. Во многих городах и населенных пунктах страны стало обычным посещение старообрядцами православных церквей, нередко с целью совершить в них некоторые обряды; православные, в свою очередь, посещают старообрядческие храмы. Подобное явление наблюдается в Одессе, Иванове, Ржеве, Горьком, Ставрополе, Кисловодске, Ессентуках, Улан-Удэ и других городах. В определенной степени оно вызвано решением поместного собора русской православной церкви 1971 г. «снять клятвы», наложенные в 1656 и 1667 гг. на «старые обряды». Однако процесс сближения старообрядчества с православием, как правильно отмечает автор, протекает очень сложно и противоречиво.

Книга В. Ф. Миловидова — первая монография, в которой дана всесторонняя характеристика современного состояния старообрядчества. Автор убедительно и глубоко вскрывает наиболее интересные и характерные признаки кризиса современного старообрядчества, выявляет главные тенденции в его эволюции. В. Ф. Миловидову свойствен лаконизм, умение сжато излагать суть дела, выбирать наиболее выразительные и существенные детали, избегать описательности, но последнее далеко не всегда оправдывает себя. Рецензируемая книга по существу представляет собой единственную обобщающую работу о современном состоянии старообрядчества в СССР, поэтому хотелось бы, чтобы текст был больше насыщен конкретным фактическим материалом, например, небольшими отрывками из труднодоступных и разрозненных публикаций. Желательно также, чтобы все приводимые автором данные были датированы. Так, на с. 69—70 помещены высказывания старика из заволжской деревни, но неясно, какой период характеризуется этим материалом. На с. 76 автор пишет о сделанных им наблюдениях в поселках Сизим и Эржей (Горная Тува) не указывая, в каком году это было.

Однако эти замечания не могут снизить общей высокой оценки книги. Большим достоинством работы В. Ф. Миловидова является то, что она предназначена не только для специалистов. Написанная легким и простым языком, она вполне доступна широкому кругу читателей и таким образом является научным исследованием, которое вносит свой вклад в важное дело атеистического воспитания трудящихся.

И. А. Кремлева

Л. Х. Феоктистова. Земледелие у эстонцев. XVIII — начало XX в. Система и техника. М.: Наука, 1980. 191 с.

Книга Л. Х. Феоктистовой восполняет пробел в изучении земледелия, главной отрасли хозяйства эстонского народа в период феодализма. Следует отметить, что история земледелия двух соседних прибалтийских народов уже давно рассмотрена в монографических трудах П. Дундулене и И. Лейнесаре. Отсутствие исследований по технике земледелия затрудняло изучение аграрных отношений в Эстонии.

Положительной стороной рецензируемой работы является широкое привлечение всех видов этнографических источников, а также результатов исследований как этнографов, так и представителей смежных дисциплин — археологов, историков, языковедов. Это позволило автору рассматривать изучаемые явления не только в развитии, но и в разных аспектах и, таким образом, создать своего рода «стереоскопическое» представление о предмете. Монография еще больше выиграла бы, если бы в ней были использованы неопубликованные письменные источники — наследственные дела волостных судов и правлений и протоколы Лифляндского экономического общества (ЦГИА ЭССР, ф. 1185 и др.).

Благодаря многолетней работе над картами по орудиям земледелия эстонцев для Историко-этнографического атласа Прибалтики Л. Х. Феоктистова получила богатый фактический (в том числе цифровой) материал о типах и ареалах орудий труда в Эстонии, а также сравнительные данные по земледельческим орудиям других прибалтий-

¹ *Leinasare I. Zemkopība un zemkopības darba rīki Latvija klausu saimniecības sairuma laikā. Rīga. Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas izdevniecība, 1962. 168 lpp.; Dundulienē P. Zemdirbystē Lietuvoje (Nuo seniausių laikų iki metų).—In: Lietuvos TSR Aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istoriija V. Vilnius, 1963, 275 p.*